

Дубовиков Александр Маратович

СЛУЖБА УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ НА ЮЖНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII-XIX ВВ.

В статье показана роль уральского (до 1775 года - яицкого) казачества в охране юго-восточных границ Российской империи в XVIII-XIX веках и в присоединении Средней Азии к России. Восстановлены последовательная хронология участия уральских казаков в тех походах, их особая роль и высокие боевые качества, позволяющие им по праву считаться лучшими в подобных кампаниях. Надёжная охрана протяжённого участка пограничной линии малыми силами также свидетельствует об их высоком воинском мастерстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 78-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

NATURAL SCIENCE AND SOCIAL AND THE HUMANITIES ASPECTS OF SCIENTIFIC RATIONALITY: CONVERGENCE TENDENCIES

Guseva Irina Ivanovna, Doctor in Philosophy, Professor
Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics
iris212009@rambler.ru

The article analyzes the main tendencies of the convergence of the natural science and social and the humanities spheres of contemporary scientific rationality: renunciation from the methodology of inductivism and “naïve realism”, inclination to the constructivist paradigm in its various versions, the inclusion of the subject of cognition into the scientific theory ontology, the reconsideration of ideas about scientific knowledge objectivity. It is concluded that the microanalysis of both natural and social worlds leads to the ontology reformatting and is an efficient strategy of researching newly discovered formats of reality “grasping”.

Key words and phrases: natural, social sciences and the humanities; scientific rationality; strategies of micro- and macroanalysis; constructivist paradigm; “naïve realism”.

УДК 94(574, 575); 94(47)

Исторические науки и археология

В статье показана роль уральского (до 1775 года – яицкого) казачества в охране юго-восточных границ Российской империи в XVIII-XIX веках и в присоединении Средней Азии к России. Восстановлены последовательная хронология участия уральских казаков в тех походах, их особая роль и высокие боевые качества, позволяющие им по праву считаться лучшими в подобных кампаниях. Надёжная охрана протяжённого участка пограничной линии малыми силами также свидетельствует об их высоком воинском мастерстве.

Ключевые слова и фразы: яицкие казаки; уральские казаки; казахи; Нижне-Яицкая линия; линейная служба; крепость; форпост; реданка; треть; Хивинские походы; Ахалтекинская экспедиция; иканское дело.

Дубовиков Александр Маратович, д.и.н., доцент
Поволжский государственный университет сервиса
alex.dubovikov@yandex.ru

СЛУЖБА УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ НА ЮЖНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII-XIX ВВ.

Первыми походами в Среднюю Азию яицких казаков, которых с 1775 года стали именовать «уральскими» (не путать с оренбургскими), стали походы под руководством атаманов Нечая и Шама. Оба похода состоялись в начале XVII века и завершились трагически. Единственный источник – рукописи хивинского хана Абдул-гази Бахадура, содержание которых размещено в книге «Родословная история о татарах», изданной в Санкт-Петербурге в 1768 году, хотя предания о тех походах передавались казаками из поколения в поколение и раньше.

Поход Нечая имел место в годы правления хана Араб-Магомета, отца Абдул-гази. Казаки, захватив хивинских купцов, узнали от них, что хан кочует в пойме Амударьи и в Хиве его нет. Тогда казаки решили совершить набег на владения хана. Захватив город Ургенч, они взяли богатый «дуван», включая не только ценности, но и множество молодых женщин, загрузив множество телег. Изобилие трофеев затрудняло движение и позволило хану, собравшему большое войско, настичь противника. В итоге все казаки были перебиты.

Возможно, Абдул-гази допустил ряд неточностей, но, по мнению военного историка XIX века, генерала М. Н. Иванова, «несмотря на стереотипное число: 1000 казаков, 1000 арб и 1000 захваченных женщин, рассказу этому в общих чертах нельзя не верить». Также Иванов справедливо заметил, что в те годы казаки не имели постоянных семей: «Казаки, желая обзавестись женами, сделали набег на Хиву, пришли в Ургенч исправно, захватили много себе невест, и, если б не домогались об увеличении их приданого, то, может быть, благополучно возвратились бы домой» [8, с. 9].

В ходе второго похода (предпринятого вскоре) из-за плохой подготовки казаки даже не смогли дойти до хивинских владений. Они истратили всю воду и провиант, находясь в безводной и безлюдной полупустыне [1, с. 147]. После этого они уже не планировали подобных набегов.

В 1717 году 1,5 тысячи яицких казаков влились в 6-тысячный отряд Бековича-Черкасского, посланный в Хиву Петром I. Согласившись на переговоры, хивинцы разместили русских в своих жилищах и в первую же ночь коварно перерезали их. Вместе со своими подчинёнными погиб командир [9, с. 356]. Чудом спаслись единицы, среди которых Фёдор Емельянов и Михайло Белотёлкин, поведавшие о случившемся [Там же, с. 75, 79 (в Приложениях)].

В 40-е годы XVIII века началась линейная пограничная служба яицких казаков. В основном контроль осуществлялся над казаками, которых до 1925 года официально именовали «киргизами». В низовье Яика началось обустройство Нижне-Яицкой линии, на которой оборудовались крепости и форпосты [14, с. 295]. Они стали местами постоянного проживания казаков и их семей. Кроме того, между ними оборудовались дополнительные сторожевые посты («реданки» и «трети»), служившие для наблюдения за кочевниками.

Имевшиеся на таких постах жерди служили сигнальными маяками, поджигавшимися в случае опасности. Линейная служба уральских казаков продолжалась до конца 60-х годов XIX века [7, с. 115-117].

Штат форпоста предусматривал лишь 20-30 казаков, крепости – 100 [4, с. 258]. Весь штат служащих на линии, протянувшейся примерно на 800 вёрст, насчитывал 1000 казаков. Но и при такой ситуации зачастую наблюдался «некомплект». Согласно указу 1747 года, учреждалась 5-сотенная «резервная команда», часть которой временно (на лето) командировались на форпосты, а часть дежурила при Яицком городке «для незапных случаев» [15, с. 66-67].

В 1760 году создавались два экспедиционных корпуса общей численностью 700 казаков, чтобы «в потребном случае, союзясь против злодеев киргиз-кайсаков, выступить в погоню соединенными силами» [Там же, с. 34]. Столь жёсткие меры были не случайны. Кочевники часто нападали на русские селенья, в том числе на казачьи [4, с. 131]. По мнению казачьего бытописателя И. И. Железнова, «в глазах казаков зауральские киргизы были не что иное, как враги» [7, с. 106]. Н. А. Александров отмечал, что уральские казаки, «сторожа своё добро от неожиданных нападений исконного своего врага и соседа-киргиза, никогда не расстаются с оружием» [2, с. 25]. О том же писали В. И. Даль [6, с. 105], П.-С. Паллас [13, с. 430] и др.

Преследовать нападавших часто приходилось в их же «улусах», но поскольку такие погоны часто заканчивались гибелью казаков, это им было запрещено (без приказа свыше). Такое решение вызвало недовольство казаков, поскольку те, кто готовили нападения, свободно разъезжали вдоль левого берега Урала, выбирая удобное место и время для нападения, дразня казаков [7, с. 71]. Оренбургское руководство (Г. С. Волконский, затем П. К. Эссен) не раз просило столичные власти отменить запрет [16, с. 72], но он просуществовал почти полвека и был отменён в 1823 году, когда на защиту его нарушителей встали губернатор П. К. Эссен и войсковой атаман П. М. Назаров [Там же, с. 74].

Нападений стало меньше, но они не прекратились. Чаще всего их совершали представители рода «адай», считавшегося самым разбойным и воинственным. Нападения не оставались без ответа. Если раньше казаки преследовали грабителей с целью поимки, наказания и возвращения похищенного, то теперь целью экспедиций стало устрашение. Карательные экспедиции проводились тайно и были рассекречены лишь много лет спустя. Завершались они истреблением всего населения аулов, жители которых участвовали в набегах, а не только их участники. Примерами таких действий были походы под руководством Берга, Шапова, Мансурова (1824-1825, 1836 годы). В них уральские казаки составляли либо костяк отряда, либо весь отряд. Но даже они не положили конец набегам, хотя и отбивали охоту на долгое время. По мнению Н. Г. Мякушина, экспедиция Мансурова показала, что зимний поход в «безводную степь с отрядом в 600 человек вполне возможен» и что «хищники перестали верить в то, что зимою они гарантированы от нападения русских» [12, с. 31].

Несмотря на кровопролития, было бы неверно представлять казаков исконными врагами казахов. Во-первых, конфликты у казахов случались и с другими соседями – башкирами, калмыками, татарами. Во-вторых, они вспыхивали и между казахскими родами. «А роду адайскому, самому воровскому и злейшему из киргизских родов, все роды более или менее враждебны», – писал Железнов [7, с. 141]. В-третьих, есть немало примеров плодотворного сотрудничества и взаимопомощи. Представители казахской знати предупреждали начальников крепостей и форпостов о готовящихся нападениях, о составе «разбойничьих шаек», порой помогали в поимке их предводителей, в освобождении пленников. Имело место и военное сотрудничество.

В XIX веке продвижение в Среднюю Азию продолжилось при Николае I. В 30-е – 40-е годы на границах с Хивой и Кокандом активно возводились укрепления, в гарнизонах многих из которых (Ново-Александровское, Раимское и др.) несли службу уральские казаки. В ноябре 1839 года был организован очередной поход на Хиву во главе с оренбургским военным губернатором В. А. Перовским. Однако сильные морозы и проблемы снабжения заставили Перовского прекратить поход через три месяца. Несмотря на неудачу, Перовский признал уральских казаков лучшими среди прочих подразделений. Показатели по больным и умершим наглядно свидетельствуют о преимуществах уральских казаков. К примеру, среди солдат заболел каждый 2-й участник похода, умер каждый 14-й. Среди оренбургских казаков соотношения между здоровыми и больными составили 2,3:1, а между выжившими и умершими – 34:1. В то же время у уральских казаков заболел лишь 1 из 27, а умер 1 из 200 [8, с. 147]. Участник того похода Иванин вспоминал, что незадолго до похода Уральское войско выставило на Кавказ большую часть своего состава и «для Хивинской экспедиции набрало казаков не по выбору, а какие случились, тогда как в прочих войсках высылали более крепких». А потому «нельзя не удивляться крепости и сносливости Уральских казаков в походе и не отдать им полной справедливости, что они в подобных походах незаменимы» [Там же, с. 148]. Подобную оценку уральцам давал и П. П. Сухтелен, предшественник Перовского: «Уральские казаки до сего дня – суть единственное войско в Оренбургском крае, которое по мужеству, храбрости и предприимчивому духу употреблялось с большими выгодами в степных экспедициях» [12, с. 31-32]. О том же пишет К. К. Абаза: «Никто лучше уральца не знает степи, не выследит хищника и не в состоянии преследовать его до полного изнеможения» [1, с. 189].

Очередной поход в Среднюю Азию, предпринятый в 1853 году, как и прежде не мог обойтись без участия уральских казаков. Возглавил поход тот же Перовский. Помня о высоких боевых качествах уральцев, он укомплектовал ими даже личный конвой [16, с. 103]. Уральцы отличились при взятии Ак-Мечети, при Кум-Суате, при Джулеке.

Крымская война и смерть царя приостановили продвижение в Среднюю Азию. Возобновилось оно в 1864 году после окончания активных действий на Кавказе. Тогда же уральцы отличились при взятии крепости Туркестан. Но самым ярким их подвигом стало «Иканское дело». Сотня есаула В. Р. Серова была

отправлена из Туркестана, взятого русскими, против «банд», замеченных близ крепости. Казаки были уверены в скором успехе, но реальность оказалась иной. Правитель Коканда Алимкул, собрав 10-тысячное войско, вышел из Ташкента к Туркестану. Столкнувшись с его передовым отрядом близ Икана, казаки спешили и заняли оборону. Бой продолжался трое суток. Не надеясь на помощь, казаки, оставшиеся в живых, пошли на прорыв. У всех были ранения; те, что падали без сознания, подвергались страшным зверствам. Уходя, противник увёз головы погибших казаков, оставив на поле боя их обезображенные и обезглавленные трупы. Погибла большая часть сотни: убиты 57 (в том числе офицер – Павел Абрамичев), ещё 12 умерли от ран [18, с. 22-23, 38-41]. Алимкул, потеряв около двух тысяч, отступил, не рискнув штурмовать Туркестан [3, с. 803].

Уральские сотни участвовали и во всех последующих кампаниях. В 1875 году под Махрамом погиб выдающийся уральский казачий офицер, поэт и писатель Александр Хорошхин, попавший в засаду с небольшим отрядом, полностью погибшем, но не сдавшемся врагу. Последней военной кампанией в крае стала Ахалтекинская экспедиция (1880/1881 гг.), в которой сводный казачий дивизион возглавил А. Л. Гуляев. Среди уральцев, погибших при взятии Геок-тепе, главной крепости «текинцев», был сотник Кунаковсков, представленный ранее к ордену Св. Георгия за отличия при взятии укрепления Янги-кала, но награды не дождался [5, с. 88]. Подобных примеров много.

Отношение русских к местному населению не походило на поведение оккупантов. Вступавшие в Хиву войска, по свидетельству А. П. Хорошхина, не пугали её обитателей, включая торговцев, которые, тут же появившись в расположении россиян, «нажили хорошие барыши» [17, с. 476]. В Средней Азии, с приходом туда России, было покончено с рабством, с перманентными войнами, сопровождавшимися убийствами и пленением мирных жителей. Была сохранена власть местной знати, был запрещён детско-подростковый гомосексуализм («бачбозство»). Ранее он был официально легализован, а потому широко распространён в крае. Попали под запрет и многие изуверские наказания. На вопрос Хорошхина – правда ли, что в Хиве преступников сажают на кол – хан ответил, что так казнят только «буйных и непокорных рабов», а прочим преступникам просто отсекают головы, забивают палками, отрезают носы и уши [Там же, с. 482].

Признать российских военных «проводниками колониальной политики царизма», как того требовали идеологические клише советской историографии (и постсоветских стран региона), было бы не совсем верно. Россия пришла в Среднюю Азию по объективным причинам. Этого требовала безопасность границ, борьба с экспансией Британии. Россияне, в отличие от британцев, смотрели на новые территории не как на источники обогащения, а как на результат укрепления величия и безопасности державы. «Прежде чем добраться до Хивы, главного разбойничьего гнезда, пришлось втянуться в долгую войну», – писал К. К. Абаза [1, с. 202]. Эти земли не были для России источниками прибыли, скорее напротив. В отличие от британских колоний, служивших дешёвым источником ресурсов, на землях, присоединённых к России, строились дороги и фабрики, налаживалось здравоохранение и образование, формировалась производственная и социальная инфраструктура, характерная для всей страны.

Таким образом, уральские (яицкие) казаки были активными участниками охраны границы Российской империи с «киргизской» (казахской) степью на её юго-западном участке в XVIII-XIX веках. Показательно, что они охраняли границу малым числом, при этом наотрез отказываясь от помощи «чужаков» и предпочитая обходиться собственными, хотя и малыми, силами. К примеру, на участке, охранявшемся оренбургскими казаками и линейными батальонами, контингент был значительно больше, хотя участок был менее опасным. Выполняя пограничные функции, уральцы способствовали налаживанию с соседями отношений, соответствующих законам Российской империи. Это нередко приводило к кровопролитиям, хотя имели место и позитивные контакты. Представители казахской знати не только помогали казачьим чиновникам поддерживать стабильность на приграничных участках, но и участвовали вместе со своими отрядами в среднеазиатских походах, в подавлении «мятежных» соплеменников. Все командиры, знакомые с уральскими казаками по среднеазиатским кампаниям, отдавали им первенство, приводя их в пример остальным своим подчинённым. Это не случайно, ибо яицкие казаки намного раньше остальных категорий россиян установили контакты с народами Средней Азии. И это были не только вооружённые столкновения, но и мирные отношения (торговые, культурные и др.). При этом многочисленные примеры героизма, преданного служения Отечеству и честного исполнения воинского долга, показанные в Средней Азии русскими воинами, и казаками в том числе, свидетельствуют о несостоятельности подхода, согласно которому их следует рассматривать лишь как «проводников колониальной политики царизма». Такой подход слишком сильно подвержен идеологическому прессингу. Он не только необъективен, но и слишком упрощён. Он не учитывает ни ментальности российского воинства, ни объективных причин, региональных и геополитических.

Список литературы

1. Абаза К. К. Казаки: донцы, кубанцы, уральцы, терцы. СПб., 1891. 334 с.
2. Александров Н. А. Казаки: донцы и уральцы. М., 1899. 46 с.
3. Алексеев Л. С. Дело под Иканом. Рассказ очевидца // Исторический вестник. 1893. Т. 51. № 3. С. 796-805.
4. Витевский В. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года: в 5-ти т. Казань, 1897. Т. II. 346 с.
5. Гуляев А. Л. Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880-1881 годах. Уральск, 1888. 82 с.
6. Даль В. И. Уральский казак // Избранные произведения В. И. Даля. М., 1983. 448 с.
7. Железнов И. И. Василий Струнашев: роман из казацкой жизни. СПб., 1910. 211 с.
8. Иванин М. Н. Описание зимнего похода в Хиву в 1839-1840 году. СПб., 1874. 268 с.

9. Карпов А. Б. Уральцы. Уральск, 1911. Ч. 1. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). 1013 с.
10. Мякушин Н. Г. Первый Уральский казачий полк. Киев, 1899. 16 с.
11. Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890. 315 с.
12. Мякушин Н. Г. Секретная экспедиция уральских казаков. Уральск, 1903. 35 с.
13. Паллас П. С. Путешествия по различным провинциям российской империи. СПб., 1809. Ч. I. 657 с.
14. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 405 с.
15. Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 2. 108 с.
16. Сапунов Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40-е – 90-е годы XIX века): дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2001. 259 с.
17. Хорошхин А. П. Воспоминания о Хиве // Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1878. 531 с.
18. Хорошхин М. П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Уральск, 1889. 64 с.

THE URAL COSSACKS' SERVICE AT SOUTHERN AND SOUTH-EASTERN BORDERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII-XIX CENTURIES

Dubovikov Aleksandr Maratovich, Doctor in History, Associate Professor
Volga Region State University of Service
alexadubovikov@yandex.ru

The article shows the Ural (before 1775 – Yaik) Cossacks' role in guarding the south-eastern borders of the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries and in joining Central Asia to Russia. The author reconstructs the successive chronology of the Ural Cossacks' participation in these campaigns, their special role and high militant qualities allowing them to be justly considered the best in such campaigns. The reliable protection of the extended border line by small forces also testifies for their high military skill.

Key words and phrases: the Yaik Cossacks; the Ural Cossacks; the Kazakhs; Lower Yaik line; linear service; fortress; outpost; redanka; one third; Khiva campaigns; the Battle of Geok Tepe; the battle of Ikan.

УДК 930.2

Исторические науки и археология

В статье проведен анализ подходов к определению мемуаров в научной и учебной литературе. Выявлены разные точки зрения на специфику мемуаров как вида источников личного происхождения. Отечественные мемуары второй половины XVIII – XIX в. рассмотрены на примере мемуарного комплекса об императоре Павле I. Сделан вывод о том, что комплекс воспоминаний о Павле I типичен для указанной эпохи, имеет солидные хронологические рамки, а его изучение позволяет разнообразить сложившийся в исторической литературе образ правителя.

Ключевые слова и фразы: источники личного происхождения; воспоминания; дневники; отечественные мемуары второй половины XVIII – XIX в.; мемуарный комплекс о Павле I.

Ищенко Оксана Владимировна, д.и.н., доцент

Неверов Антон Владимирович

Сургутский государственный университет

iovfj@yandex.ru; a.v.neverov610@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕМУАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – XIX В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В последние десятилетия отечественная историческая наука претерпела ряд серьезных изменений. Отход от излишнего объективизма, использование опыта «историко-антропологического поворота» зарубежных исследований сформировали ряд новых методологических подходов. Обращение к изучению истории повседневности, «микростории», включение в исторические исследования понятия гендера повысили интерес к личности, к субъекту исторического действия. В этих условиях закономерным стало возрастание интереса к мемуарной литературе, отражающей взгляд современников на происходившие события, очевидцами которых они были.

Как особый литературно-исторический жанр мемуары появились в России на рубеже XVII-XVIII вв., когда изменения в жизни общества определили и изменения в жизни личности. Осознание себя как индивидуума в историческом пространстве побудило многих авторов взяться за перо и описать те важные, по их мнению, события, свидетелями которых они были. Исследование обширного корпуса отечественной мемуарной литературы второй половины XVIII – XIX в. предполагает классификацию его по определенным основаниям, что, впрочем, в определенной степени затруднено разнообразием подходов к определению мемуаров. Для выявления сложившейся в исторической науке терминологии следует обратиться к достижениям отечественного источниковедения. При этом интерес вызывает не только анализ подходов к определению мемуаров в научной, но и в учебной литературе, используемой для подготовки нового поколения исследователей.